

СОДЕРЖАНИЕ

Э. К. Пименова ГЕРОИ ЮЖНОГО ПОЛЮСА. РОБЕРТ СКОТТ

История второго путешествия в Антарктику под командованием Роберта Скотта. После известия о высадке экспедиции Амундсена Скотт меняет свои планы. Поход к Южному полюсу. Прощание с мечтой. Возвращение назад и трагический конец экспедиции.

9

ДНЕВНИК КАПИТАНА Р. СКОТТА

Глава I. По бурным морям

Последние приготовления в Новой Зеландии. Выход в море. На палубе с собаками. Шторм. Машинное отделение залито. Предполагаемая станция на мысе Крозье. Южные птицы. Память лошади. Плосковерхие айсберги. Несравненное зрелище. Формация ледяной банки. Движение плавучих льдов.

41

Глава II. В плавучих льдах

Беспрестанные перемены. Запирающий судно лед. Упражнения на лыжах и с санями на льду. Движения ледяных гор. Лед раскрывается. Стоять или идти? Пингвины и музыка. Лед сложного состава. Рождество среди льдов. Пингвины и поморники. Состояние холодильника. Жизнь среди льдов. Выход в открытое море. Научные работы.

57

Глава III. На суше

Наконец-то берег! Мыс Крозье. Замечательные скалы. Невозможность высадки. Пингвины, косатки. Мыс Эванса выбран для зимней стоянки. Высадка лошадей. Нелепое поведение пингвинов. Приключение с косатками. Нравы косатки. Выгрузка припасов. Поморники в своих гнездах. Своевольные лошади. Опасности от размякшего льда.

85

Глава IV. Наше поселение

Потеря мотора. Пропажа собаки. Результат шестидневной работы. Своенравные лошади. Пещера во льду. Погрузка балласта. Экскурсия на мыс Хижины. Возвращение. Укромная стоянка. Дом и его отделка. Планы на осень. Пианола. Котлеты из тюленьего мяса. Судно садится на мель. Начало ледохода.

104

Глава V. Закладка складов. Выступление

Собаки и лошади за работой. Припасы для складов. Припасы, оставленные в старом доме. О лошадях. Лошадиные лыжи. Дорожные впечатления. Предметы необходимости и роскоши. На дворе хаос, в палатках уют. После метели. Порядок шестивя. Слабейшие лошади возвращаются. Бауэрс и Черри-Гаррард. Обмороженная нога. Лагерь № 11. Склад припасов весом в одну тонну.

124

Глава VI. Приключения и опасности

Заметки о собаках и лошадях. Собаки попадают в трещину. Спасательная работа. Снежный мост. Собачий паек. Почта. Удивительное известие. Бедный Уилли. Лед вскрывается. Лошади на льдине. Благополучное возвращение.

148

Глава VII. В старом доме

Ремонт дома. Возможность вернуться сухим путем. Возвращение геологов. Необычайные бури. Геологические беседы. Новые стойла для лошадей. Томительное ожидание. Ясный день. Лед «блинами». Жизнь в обновленном доме. От мыса Хижины до мыса Эванс. Метель на морском льду. Благополучное возвращение.

164

Глава VIII. Домашние впечатления и экскурсия

Тщетные опасения. Пропажа лошади. Темная камера. Помещение для биологов. Повар-художник. Удовлетворительная организация. Подъем на ледяной обрыв. Трудный переход. Неудобство зимнего пота.

187

Глава IX. Работа и работники

Воздушные шары. Обилие талантов. Футбол. Ненормальная температура. Новый лед. Научные работы членов экспедиции. Каждый за работой. Термометры на льду. Температура льдов. Найденная в снегу бактерия. Возвращение оставшихся с мыса Хижины. Мир и согласие.

201

Глава X. На зимовке

О пингвинах. Собака Вайда. Пропажа третьей собаки. О льдах. Роскошное южное сияние. Дом Шеклтона. Упорные ветры. Лекция о диете. Загадочные температуры. Лекция о Японии. Уилсон — о рисовании. Уилсон как человек.

219

Глава XI. Празднество зимнего солнцестояния

Вентиляция. Фотография при магнeвом освещении. О леднике Бирдмора. Пропадавший Макака. Жизнь по расписанию. О моторных санях. Праздничный обед в день зимнего солнцестояния. Елка. Чудеса южного сияния.

235

Глава XII. В ожидании партии с мыса Крозье

Грозит метель. Уход партии. Аткинсон заблудился на льду. Его возвращение. Лошади страдают от паразитов. Шторм. Хитрости заведующих припасами. Заболевшая лошадь. Быстрое выздоровление. Неприятности от темноты. Ураган. Телефон. Мороз. Бесприютные экскурсанты и метель. Замечательный подвиг. Зимняя одежда доведена почти до совершенства.
258

Глава XIII. Возвращение солнца

Несокрушимый Бауэрс. О метелях. Расшалившиеся лошади. Пара эскимосских собак. Неудачи с шарами. О цинге. Доклад об Индии. Бури и акклиматизация. Возвращение еще одной пропавшей собаки. Конусы на Валу. Обратная температура.
284

Глава XIV. Приготовления: весенняя экспедиция

О полярной одежде. О моторных санях и лошадях. Неистощимый Понтинг. Второй номер журнала. Весенняя экскурсия на запад. Оторванный кусок Ледникового языка. Против метели. Возвращение домой. Кипучая деятельность. Последние наставления.
302

Глава XV. Последние недели на мысе Эванс

Несчастный случай с Киссолдом. Приключение с Тэйлором. Выходки Кристофера. Неудача с мотором. Болезнь собак. Несколько портретов. Несчастный случай с лошадью. Больное колено. Оценка моторных саней. Неравномерность тепла и холода. Первый мотор на Барьере. Последние дни на мысе Эванс.
316

Глава XVI. На Барьере

Пропажа мотора. Изменяет второй мотор. Любопытные черты метели. Лошади страдают от метели. Противный ветер. Продолжаются неблагоприятные условия. Отдых на солнце. Лошади работают исправно. Застрелена первая лошадь. Изнурительный переход. Застрелена вторая лошадь. Показываются Южные горы. Третья метель. Четвертая. Пятая и самая длительная. Терпение и решимость. Конец перехода по Барьеру.
334

Глава XVII. На леднике Бирдмора

Скотт понимает, что дела не так хороши, но не унывает. Экспедиция достигает середины ледника. Дорога улучшается, однако погода становится хуже. Жаркий день. Тяжелый выбор — Скотт отправляет Аткинсона, Райта, Черри-Гаррарда и Кэохэйна в обратный путь.
367

Глава XVIII. К полюсу по вершинам

Тяжелый путь. Улучшение условий. Лэшли проваливается в трещину. Пятнадцати миль мало! Сани плохо бегут. Преимущество двойной палатки. Возвращается последняя вспомогательная партия. Тяжелая работа на вершинах. Несчастный случай с Эвансом. Характеристика членов экспедиции. Несчастье с часами. Критическое время. Норвежцы опередили. У полюса.

382

Глава XIX. Возвращение с полюса

Тяжкое время. Первые признаки изнурения. Трудно не терять оставленных следов. Призрак голода. Частые несчастные случаи. Случай с самим Скоттом. Конец похода по вершинам. Отрадное чувство при вступлении на твердую почву. В лабиринте трещин. Достижение «Среднего склада на леднике». Больной товарищ. Смерть Эдгара Эванса.

408

Э. К. Пименова

Герои Южного полюса. Роберт Скотт

**История второго путешествия
в Антарктику под командованием
Роберта Скотта. После известия о высадке
экспедиции Амундсена Скотт меняет
свои планы. Поход к Южному полюсу.
Прощание с мечтой. Возвращение назад
и трагический конец экспедиции.**

Первыми достичь Южного полюса удалось норвежцу Амундсену и англичанину Скотту.

Амундсен дошел до полюса раньше Скотта и благополучно вернулся обратно. Капитан Скотт, путешествие которого было исключительно трудным, погиб на обратном пути вместе со своими товарищами.

Экспедиция, отправленная на поиски, нашла спустя восемь месяцев палатку и в ней три замерзших трупа. Это были: капитан Скотт, Уилсон и Бауэрс. Двое других товарищей Скотта, Эванс и Оутс, умерли по дороге.

Уилсон и Бауэрс лежали в спальнях мешках, по обыкновению, надвинутых на голову. Капитан Скотт, очевидно, умер последним. Верхнее платье на его груди было раскрыто и отвороты мешка сброшены. Одна рука его лежала на теле Уилсона. Под плечами у него нашли сумку с тремя записными книжками и письма к разным лицам. Кроме того, там же находилось его послание к публике, в котором он объяснял причины бедствия, постигшего их, исключительно дурной погодой, которая свирепствовала все время... «На обратном пути нам не выдалось ни одного хорошего дня, — говорит он в своем послании. — Я утверждаю, что все сделанные нами распоряжения вполне отвечали требованиям, но никто в мире в это время года не мог бы ожидать такого страшного холода и такой труднопроходимой поверхности льда! Ночью температура понижалась до 47° [8 °C], при непрерывном ветре. Все это было совершенной неожиданностью, и причиной нашей гибели, несомненно, является это внезапное наступление жестоких морозов, которому я не могу найти удовлетворительного объяснения... Последним ударом, завершившим наши бедствия, была метель, застигшая нас в одиннадцати милях от того склада, где мы рассчитывали найти топливо и запасы для остального пути. Мы застряли на этом небольшом расстоянии от нашего Однотонного лагеря, имея запас пищи всего на два дня, а топлива на один день! Мы не могли выйти из палатки четыре дня. Кругом нас воеет вьюга. Мы ослабели. Писать трудно, но я все-таки не жалею об этом путешествии. Оно указывает, что англичане и теперь, как и в прошлое время, способны переносить труды и лишения, помогать друг другу, как в былые времена... Пусть эту повесть о мужестве, выносливости и отваге моих товарищей расскажут мои черновые наброски и наши мертвые тела!»

Путешествие капитана Скотта исключительно по драматизму и действительно указывает, каким громадным запасом мужества и энергии обладали он и его товарищи, чтобы бороться до конца с ополчившимися на них силами природы. Цель была достигнута, хотя и с опозданием, но эти мужественные люди заплатили за нее жизнью.

Капитан Скотт вел дневник, в котором аккуратно, изо дня в день, до самой минуты смерти, записывал все, и, читая эти записи, можно проследить все его путешествие от самого начала и вплоть до трагического конца, когда слабеющей рукой он выводил последние строки.

Глава I

Благоприятные предзнаменования. Вид нагруженного судна. Бедные животные. Жизнь на корабле. Плавающие льды. Рождество на корабле. Пингвины. Жизнь подо льдом.

Путешествие началось при благоприятных предзнаменованиях. Капитан Скотт закончил в Новой Зеландии, в ноябре 1910 года, все свои приготовления, и его судно «Терра Нова» вышло в море 29 ноября. Свой дневник он начал писать с 1 декабря.

Описывая вид судна, нагруженного всем необходимым для такого путешествия, он говорит:

«Внизу, насколько мы могли ухитриться, все было плотно заставлено и упаковано... Пятнадцать лошадей стоят рядышком, лицом к лицу, семь с одной стороны и восемь с другой, а посередине помещаются конюхи. И все качается, качается непрерывно, повинувшись неправильному, ныряющему движению судна... Какая пытка для бедных животных выносить это день за днем, по целым неделям!

Собак всего тридцать три. Их нам поневоле приходится держать на цепи. Насколько возможно, они пользуются прикрытием, но положение их весьма незавидно. Волны беспрестанно ударяют о борт судна и рассыпаются дождем холодных брызг. Собаки сидят, повернувшись спиной к борту, но на них обрушивается холодный душ, и вода струей сбегает с них. Жалко смотреть на них, они ежатся от холода, и вся их поза выражает страдание. Иногда бедняжки даже взвизгивают, и вообще вся эта группа животных представляет очень унылую, печальную картину».

В кают-компани (общей каюте) было тесно, и все едва умещались за столом. На судне было 24 офицера, но обыкновенно двое или трое отсутствовали, потому что стояли на вахте.

Пища была простая, но питательная. «Удивительно, — восклицает Скотт, — как наши два буфетчика умудряются сделать всю работу вовремя, и посуду вымыть, и каюты убрать, и при этом они всегда готовы услужить каждому и неизменно веселы и приветливы».

Морская болезнь, конечно, давала себя чувствовать. Но большинство команды состояло из бывалых моряков, уже привыкших к ней. Больше всех, по-видимому, страдал от нее фотограф Понтин. Тем не менее он не прекращал работы, хотя и должен был неодно-

кратно нагибаться к борту. Пластинки он проявлял, держа в одной руке ванну, где промывал их, а в другой — таз, на случай припадка морской болезни.

2 декабря был день тяжелых испытаний, свирепствовал сильный шторм и волны заливали палубу. В такие минуты приходилось цепляться руками за что попало, чтобы не быть унесенным за борт. Буря не унималась весь день и всю ночь. Опасность возрастала, потому что засорились насосы в машинном отделении и вода поднялась выше люков. Старший кочегар Лэшли, стоя по самую шею в бурлящей воде, упорно работал, стараясь прочистить насосы, но ничто не помогало: тяжело нагруженное судно сидело глубоко и могло погрузиться в воду сверх меры, а это было очень опасно. Все, стоя почти по пояс в воде, работали день и ночь, вычерпывая воду. Офицеры и команда не теряли, однако, бодрости и даже пели за своей работой. Ночью утонула собака и околела лошадь. Волной иногда уносит собаку, и ее удерживает только цепь. Но в таких случаях собаке грозит удушение, если не подоспеет помощь. Одну из них так и не смогли спасти — она задохнулась.

Другую волна унесла с такой силой, что цепь порвалась, и собака исчезла за бортом. Но следующая волна каким-то чудом принесла ее обратно и бросила на палубу. Собака эта осталась жива и здорова.

На другой день буря прекратилась, и можно было привести в известность ущерб, который она причинила. Погибли две ло-

Капитан королевского флота Великобритании Роберт Фолкон Скотт, прославившийся как первооткрыватель Южного полюса, в детстве не отличался крепким здоровьем, к тому же был шаловлив, ленив и неаккуратен. Но учеба в школе юных моряков, затем в военно-морском училище, а позднее служба, по-видимому, сгладили недостатки характера...

В начале 1899 г. Скотт встретился с Клементом Маркемом, председателем Королевского географического общества, с которым был давно знаком, и узнал, что тот ищет руководителя для исследовательской арктической экспедиции. Для Скотта это был шанс отличиться и заработать деньги, в которых остро нуждалась его семья, пережившая финансовый крах.

И он согласился.

Экспедиция на исследовательском судне «Дискавери» состоялась в 1901—1904 гг., причем четких планов не имела — ей предписывалось проследовать маршрутом Дж. Росса и, «изучая неизвестное, основываться на известном». Однако благодаря усилиям этой экспедиции наука получила данные, ставшие ключевыми для развития исследования Антарктики в начале XX в. Участие в этом путешествии изменило жизнь Р. Скотта. В 1906 г. он начинает готовить новую экспедицию в Антарктиду, вошедшую в историю как экспедиция «Терра Нова» (в честь одноименного судна). Эта экспедиция оказалась для Р. Скотта роковой.

шади и одна собака и, кроме повреждения бортов судна, волнами унесло 10 тонн угля, много керосина и ящик спирта для научных препаратов.

Погода исправилась, но пострадавшие во время шторма лошади причинили Скотту большое беспокойство. «Сомневаюсь, чтобы они могли вынести еще такую бурю, не оправившись совершенно,— замечает Скотт.— Декабрь в море Росса, где мы находимся, должен быть хорошим месяцем и всегда был таковым, но все же надо быть готовым ко всему, и я очень беспокоюсь за наших животных».

Девятого декабря, в шесть часов утра, показались айсберги и сплошные плавучие льды. Скотт не ожидал встретить такой лед раньше 66-го градуса широты. Зато качка прекратилась, и все почувствовали облегчение после недавних бурных дней. Но этот лед грозил задержать плавание. Действительно, лед становился плотнее, и, казалось, невозможно было пробиться через него. Однако перемены наступали постоянно.

«Я почти всю ночь не ложился,— пишет Скотт 13 декабря. Никогда я не испытывал таких быстрых и резких перемен, которые страшно действуют на нервы. Ничто так не утомляет, как необходимость приспособляться к постоянно меняющимся условиям. Один час все как будто хорошо, в следующий же положение снова кажется безвыходным. Просто не знаешь, на что решиться!»

17 декабря положение еще ухудшилось. «Мы попали, по-видимому, в самую середину страшно толстых, скрученных ледяных масс, простиравшихся во

Роберт Фолкон
Скотт
(1868—1912)

все стороны, насколько можно видеть,— пишет Скотт.— Положение со всех сторон крайне опасное. Попали мы в эти толстейшие массы льда в час пополудни и пробились через такие чудовищные громады, какие мне редко случалось видеть. Выдвинутые давлением льдов гряды возвышались на 24 фута над поверхностью и, наверное, погружались не менее чем на 30 футов в глубину. Наносимые нам удары свидетельствуют о несокрушимости этих ледяных масс...»

Однако к вечеру положение внезапно изменилось к лучшему. 21 декабря были разведены пары, и судно опять двинулось вперед.

Путешественники с любопытством наблюдали пингвинов, которых тут водилось множество. Уилсон обошел ледяное поле, желая поймать несколько штук, и для этого лег ничком на лед. Птицы подбегали к нему, когда он пел, и тотчас же убегали, когда он умолкал.

24 декабря судно снова уперлось в сплошное ледяное поле, простирающееся по всем направлениям; это было очень неприятное открытие, и приходилось снова запастись терпением и ждать, пока раскроется лед. Но путешественники не падали духом и были веселы в ожидании праздничного обеда. По случаю Рождества кают-компания была разукрашена флагами. Вечером повалил густой снег, было холодно и сыро, но никто из живущих на корабле, ни матросы, ни офицеры, не обращал на это внимания. Все были веселы и находили чудесным обед, который состоял из следующих кушаний: суп с томатами, рагу из пингвинового филе, ростбиф, пломпудинг, спаржа; затем подавалось шампанское, портвейн и ликеры. За столом сидели до 12 часов и пели хором.

26 декабря Скотт называет положение судна «самым безотрадным». «Мы окружены сплошными льдами огромного объема,— пишет он.— Трудно представить себе более безутешные условия, чем те, в которых мы находимся, но в высшей степени отрадно видеть готовность всех и каждого приложить последние силы, как бы ни были незначительны достигаемые результаты».

«С трудом верится, какая жизнь кишит непосредственно под поверхностью льдов! — восклицает Скотт.— Опушенный в воду невод мгновенно наполняется диатомеями (водорослями) и ясно указывает, что плавучая растительная жизнь во много раз богаче здесь, чем в тропических и умеренных морях. Водорослями питаются бесчисленные массы креветок, плавающих у краев каждой льди-

**Члены
экспедиции
на палубе
судна
«Терра Нова»**

ны и выплескивающихся на перевернутые обломки льда. Эти креветки, в свою очередь, служат пищей другим созданиям, малым и большим, множеству неизвестных рыб, белому тюленю и птицам. Рыб чрезвычайно много, судя по тому количеству, которое мы изловили на перевернутой льдине, и по тому, что видели наши матросы. Они уверяют, что видели полдюжины рыб, если не больше, длиной по крайней мере с целый фут, которые уплыли под лед. Из млекопитающих нередко встречается вооруженный страшными зубами длинный гибкий морской леопард, в желудке которого, наверное, содержится несколько пингвинов, а может быть, и маленький тюлень. Встречается также косатка, ненасытное и свирепое китообразное животное, которое пожирает всякое другое, не слишком большое животное. Косатка в большом числе попадает у берегов. Затем, надо упомянуть о громадных травоядных китах разных видов, начиная от синего кита, самого огромного из всех млекопитающих, до других китов меньших размеров и еще не получивших названий. Эти громадные животные встречаются в большом

числе, и понятно, какое им требуется количество пищи, а стало быть, и какое несметное множество всякой мелкой твари должны содержать эти моря, чтобы пропитать их. Под этими ледяными полями и в полынях, где, казалось, царствуют мир и спокойствие, свирепствует, как мы видим, все та же непрерывная война, вызванная борьбой за существование».

Капитан Скотт каждый раз с величайшей похвалой отзывается о своих товарищах, как об офицерах, так и о матросах. «Я чувствую, что такая поддержка должна нам обеспечить успех»,— говорит он.

Глава II

Старые знакомые места. Отдельные моменты путешествия.

Жизнь в старом доме. Полярная зима. Возвращение солнца.

Пропавшая собака. Времяпрепровождение путешественников.

Товарищи Скотта. Однотонный лагерь. Дурная погода.

Экспедиция к полюсу. Прощание с товарищами. Последние

спутники Скотта. Мучительная дорога. Горькое разочарование.

Скотт рассчитывал высадиться у мыса Крозье и устроить там станцию, но от этого пришлось отказаться. В день Нового года судно наконец вышло из плавучих льдов и на всех парусах направилось к югу. Берег с горой Эребус, окутанный облаками, был хорошо виден. К вечеру подошли к Барьеру — так называется сплошная стена льда шириной в 400 миль, а в длину еще больше, которая простирается к югу от острова Росса и к западу от Земли Виктории. Но прибой не допустил высадиться. «Такая жалость, что нам пришлось отказаться от нашего излюбленного плана! — восклицает Скотт.— Все на этом берегу сулило нам хорошую зимовку. Удобное место для дома, лед, служащий запасом воды, снег для животных, хорошие покатоги для бега на лыжах, обширные гладкие каменные площади для прогулок. Близость к Барьеру и колониям двух видов пингвинов, удобный подъем на гору Террор, хорошие условия для научных наблюдений, довольно удобный путь на юг, с невозможностью быть отрезанным, и т. д. и т. д. Бесконечно жаль покидать это место!»

На мысе Крозье находилась колония пингвинов, и от нее до Птичьего мыса тянулась неприступная, окованная льдом береговая линия. Обходя этот мыс, путешественники открывали знакомые места. Они увидели старый сигнальный шест, поставленный ими, когда они стояли тут с судном «Дискавери», во время предшествовавшего плавания. Он торчал так же прямо, и когда путешественники сличили все, что видели, со старыми фотографиями, то ни в чем не нашли перемены.

«Приятно было увидеть старые места,— говорит Скотт.— Чувствуется что-то родное в этой обстановке!»

Для зимовки выбрали удобное место в бухте и стали на якоря. Тотчас же после этого было приступлено к выгрузке моторных саней, лошадей и припасов, а затем и к постройке дома у мыса Эванс, названного так Скоттом в честь старшего офицера судна. Мыс этот — один из отрогов горы Эребус. Над ним возвышается ее величественная, покрытая снегом и дымящаяся вершина. Огромные ледники спускаются по нижним уступам горы и высокой голубой стеной врезаются в море, синяя поверхность которого усеяна сверкающими айсбергами и огромными плавучими льдинами. Дальше возвышаются красивые Западные горы, со своими многочисленными острыми пиками, крутизнами и глубокими обледенелыми долинами.

«Дивный горный ландшафт, подобных которому мало на свете! — восклицает капитан Скотт.— Все слагается благоприятно для нашей экспедиции, если только нам удастся перевезти наши припасы и провести лошадей мимо Ледникового языка.

Сегодня, за обедом,— пишет он дальше,— нам подавали котлеты из тюленьего мяса, до того вкусно приготовленные, что невозможно было отличить их от самых лучших говяжьих котлет. Двум товарищам я выдал их за говяжьи, и так как они не сделали никаких замечаний, то я сознался в обмане лишь после того, как они съели каждый по две котлеты. В первый раз я ем тюленьё мясо, не замечая его неприятного вкуса. Вот что значит приготовление! Повар у нас превосходный».

Действительно, казалось, экспедиция Скотта была так хорошо обставлена, что должна была иметь успех. Со всеми возникавшими затруднениями справлялись довольно удачно, хотя изменчивость льда доставляла им много хлопот. Немало возни было с лошадьми

при переправах и перевозке грузов. Лошади проваливались очень глубоко и не раз подвергались серьезной опасности.

Скотт следующим образом перечисляет отдельные моменты путешествия по льду, особенно ярко запечатлевшиеся в его памяти. Это были соблазнительная теплота спального мешка; шипение походной печки и пар, поднимающийся от кушаний; контраст между маленькой зеленой палаткой, в которой приютились путешественники, и необозримой белой пустыней, погруженной в вечное безмолвие; глухое гудение парусины палатки во время сильного ветра и метели; снег, несущийся с юга полупрозрачными столбами; бледные желтоватые призраки, предрекающие надвигающуюся бурю и мало-помалу закрывающие ландшафт. «Пурга,— говорит он,— это возмущение природы, а трещина, поставленная ею,— западня путешественникам! Никакой охотник не сможет так искусно спрятать свою ловушку! Мост над нею из легкого, слегка волнистого снега ничем не указывает на скрытую опасность. Об этом можно догадаться лишь тогда, когда человек или животное проваливается и, барахтаясь руками и ногами, карабкается, цепляясь за края... А кругом глубокое молчание, прерываемое единственно только мягкими, глухими шагами идущего отряда».

Описывая пребывание в палатке во время метели, Скотт говорит: «Крутит снег, сухой, как мука. Достаточно двух минут, чтобы человеку превратиться в белую фигуру. Но в нашей маленькой палатке удивительно тепло и уютно. Мы только что отлично поужинали, наслаждались на покое трубочкой и дружеской беседой у огня, почти забывая о времени и о завывающей кругом метели. Лежа в наших теплых спальнях мешках, мы с трудом представляли себе, какой ад там, за тонкой парусиной, нашей единственной защитой от непогоды!»

Так писал в своем дневнике Скотт в феврале 1911 года, во время экскурсии для устройства вспомогательного лагеря. Но как изменилось его положение в конце этого же года, когда он приблизился к Южному полюсу и, дойдя до него в январе, пустился в обратный путь!

Первая экскурсия для устройства лагеря окончилась благополучно, хотя путешественники несколько раз подвергались большой опасности из-за изменчивости льда, внезапно отрывающегося от берега, трещин, куда проваливались люди и животные, и, глав-

ным образом, из-за бурь и метелей. К счастью, все люди уцелели, погибли лошади и пара собак.

Путешественники приютились в старом доме, построенном в этом месте еще во время плавания на корабле «Дискавери». Дом оказался в довольно сносном состоянии, хотя пришлось все-таки исправить кое-что для лучшего сохранения в нем тепла. Скотт так описывает жизнь в этом старом доме:

«Мы собираемся вокруг огня, сидя на ящиках. Каждый держит в руках большой кусок хлеба с маслом и жестяную кружку с чаем: тепло, уютно, хорошо! Однако в доме мы остаемся недолго. Мы спешим на работу и возвращаемся часам к пяти-шести с изрядным аппетитом. А в это время наши кулинары хлопочут над приготовлением вкусной жареной тюленьей печенки. Удивительно, как это блюдо не надоедает нам, и каждый вечер мы расхваливаем его. Впрочем, один раз оно оказалось неудачным.

Уилсон, всегда проявлявший большую изобретательность в деле приготовления разных кушаний, едва не погубил свою репутацию. Он вздумал жарить тюленью печенку в пингвиновом жире, уверяя, что этот жир можно лишить его неприятного вкуса. Достали жир, тщательно перетопили его. Получился прозрачный, чистый и лишенный всякого запаха жир. Но наружность, как известно, бывает обманчива, и наше кушанье оказалось пропитанным тем особым ароматом, которым отличается мясо этой птицы и о котором лучше не распространяться. Трое из нас оказались героями и все-таки одолели свои порции, но остальные, отведав, решили довольствоваться сухарями с какао. После ужина мы часок другой курим и беседуем. Это приятное и отрадное для души время, когда обмениваются своими воспоминаниями люди, обладающие буквально мировым опытом. Нет почти той земли, которую не извездил бы тот или другой из нас, но наше положение и наши занятия различны. Часа через полтора после ужина мы удаляемся на покой, раскладываем наши спальные мешки, разуваемся и, залезая в них, нежимся. В наших мешках, сделанных из шкуры северного оленя, удивительно тепло и уютно теперь, когда они совершенно просохли, а в доме сохраняется большая часть теплоты. Благодаря удачному приспособлению ламп и порядочному запасу свечей мы имеем возможность почитать еще часик или два, плотно закутанные в наши меха».